

Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 года.

II ¹⁾.

„Законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію“. „Для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно умы людскіе къ тому приуготовить“ ²⁾. Съ такими словами обращалась Екатерина II къ избирателямъ 1767 года и къ депутатамъ, выбраннымъ ими въ комиссію для составленія Новаго Уложенія. Слѣдовательно, по мнѣнію Императрицы законы должны прежде всего соответствовать культурному уровню страны, и только тогда законодательная дѣятельность можетъ идти правильно и цѣлесообразно, когда умы къ тому приуготовлены. Каковъ же былъ культурный уровень русского общества на порогѣ царствования Екатерины II въ тотъ моментъ, когда оно было призвано составить новую Уложенную книгу, когда впервые съ высоты престола заговорили о томъ, что „всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть или будетъ видѣть все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія“ ³⁾.

Депутатскіе указы заключаютъ въ себѣ довольно много данныхъ для отвѣта на только-что поставленный вопросъ. Внимательно вчитываясь въ нихъ, мы можемъ составить себѣ вполне определенное представленіе о культурномъ уровнѣ страны въ моментъ созыва Законодательной Комиссіи 1767 года.

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1915 г.

²⁾ Наказъ императрицы Екатерины II, стр. 57, 58.

³⁾ Ibid., ст. 2.

„Неоспоримо, что большая половина людей въ отдаленныхъ отъ столицъ провинціяхъ и до нынѣ пребываетъ еще въ тьмѣ невѣжества“¹⁾, говоритъ въ своемъ Наказѣ Сенатъ, горячо отстаивая необходимость изданія спеціальнаго учрежденія о школахъ. Основной причиной этого онъ считаетъ то, что „нигдѣ почти по городамъ, или губерніямъ порядочныхъ школъ нѣтъ, въ которыхъ бы юношество могло обучаться благопристойнымъ для каждаго званія наукамъ или художествамъ“²⁾ Правда, о заведеніи школъ по городамъ говорилъ еще Регламентъ Главнаго Магистрата 1721 года, „но оныхъ потому положенію ни въ одномъ городѣ не сдѣлано“³⁾. Поэтому вполне понятно, что, какъ говоритъ въ своемъ наказѣ Главная Полиція, „добраго воспитанія... въ городахъ, а паче, что до среднихъ и мелкихъ мѣщанъ принадлежитъ, совсѣмъ нѣтъ“⁴⁾. „Отъ заведенныхъ же въ Россіи училищъ“, съ грустью замѣчаетъ въ своемъ Наказѣ Академія Наукъ: „по сіи поры плодовъ не видно такихъ, какими чужестранныя государства отъ своихъ пользуются“⁵⁾. Въ странѣ, слѣдовательно, къ началу царствованія Екатерины II почти повсемѣстно остро обнаруживался недостатокъ въ образовательныхъ средствахъ, и городъ, на-ряду съ деревней, пребывалъ во тьмѣ самага безпросвѣтнаго невѣжества. Вполнѣ понятно, что при такомъ печальномъ положеніи народнаго образованія въ странѣ даже въ самыхъ высшихъ общественныхъ слояхъ сплошь и рядомъ попадались лица въ буквальномъ смыслѣ слова неграмотныя.

Наказы, составленные избирателями, заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ для характеристики того, какъ сравнительно немного въ русскомъ обществѣ середины XVIII вѣка было людей, получившихъ самое элементарное образованіе. Вѣдь на выборы 1767 года должны были явиться, конечно, наиболѣе сознательные элементы населенія, тѣ, которые принимали наиболѣе активное участіе въ выясненіи мѣстныхъ пользъ и нуждъ; и, несмотря на это, сплошь и рядомъ среди подписей подъ наказами мы встрѣчаемъ или прямое указаніе, что тотъ или иной избиратель „грамотѣ не имѣетъ“, или подпись выведена такъ, что она краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ о степени образованія того лица, кому принадлежитъ. Приведемъ нѣсколько

¹⁾ Сб. Р. И. О. т. 43, стр. 7—8.

²⁾ Сб. Р. И. О. т. 43, стр. 7—8.

³⁾ Ibid., стр. 243. Наказъ Главнаго Магистрата.

⁴⁾ Ibid., стр. 350.

⁵⁾ Ibid., стр. 371.

примѣровъ: „Къ сему Наказу отставной прапорщикъ Михайла, Ивановъ сынъ, Травинъ, вмѣсто отца своего отставного сержанта Ивана, Григорьева сына, Травина, по неже онъ грамотѣ и писать не умѣеть велѣніемъ его подписуюсь“¹⁾. „Вахмистръ Иванъ Исуповъ і въ мѣсто порутчика Бариса Калагривова, ефрейтъ капрала Матвея Лихутина, вахмистра Никифора Неронова, капрала Якова Карсакова, каптенармуса Егора Карсакова, прапорщика Никиты и сержанта Ивана Полушникова, дворенина Петра Антонова, коннойгвардіи рейтора Елисея Масалова подписуюсь, ибо оне все вышеписанные грамоте сами не умеють“²⁾. „Купецъ Степанъ Шкуринъ і вмѣста Дмитрія Балъшакова подписался“³⁾. „Александръ Иванофъ, сынъ Володимирофъ, руку приложилъ“⁴⁾, „Тихоенскій дьячекъ“, Иванъ Матьоноевъ“. „Соборны днаконь Дмитрей Илиинъ“⁵⁾. „Се ку нтъ маэоръ князь Радивонъ Мансыревъ“⁶⁾. „Къ сему наказу премьеръ-маэоръ Александръ Семеновъ, сынъ Биревъ руку приложилъ“⁷⁾. „Дѣйствительный штатскій совѣтникъ губернаторскій товарищъ и дворянской предводитель Максимъ Макшѣевъ“⁸⁾. „Генералъ Аншефтъ Ея Императорскаго Величества оберъ егеръ мейстеръ, дѣйствительной каморъ-геръ обоихъ російскихъ орденовъ и святыя Анны кавалеръ Семень Кириловичъ Нарышкинъ“⁹⁾. „Генералъ-маэоръ, города Санктптербурха оберъ-камендантъ и кавалеръ и жителей Санктптербургскихъ галава Николай Зиновьевъ“¹⁰⁾. „Сочувственный за болезнею приступаю и подписоваюсь Генералъ-аншефтъ, генералъ-губернаторъ Смоленской, сенаторъ и кавалеръ графъ Ферморъ“¹¹⁾. Мы привели здѣсь лишь нѣсколько яркихъ и наиболее характерныхъ образцовъ малограмотности лицъ, явившихся на выборы въ Комиссію 1767 года. При желаніи этотъ списокъ могъ бы быть увеличенъ еще многими десятками подписей.

¹⁾ Сб. Р. И. О., т. 14. Наказъ отъ дворянъ Галицкой провинціи Пароеньевского уѣзда.

²⁾ Сб. Р. И. О., т. 68, стр. 112. Наказъ Арзамасскаго дворянства.

³⁾ Сб. Р. И. О., т. 93, стр. 92 — 93. Наказъ Дмитровскихъ городскихъ жителей.

⁴⁾ Ibid., стр. 111. Наказъ Тульскаго купечества.

⁵⁾ Ibid., стр. 92. Наказъ Дмитровскихъ городскихъ жителей.

⁶⁾ Сб. Р. И. О. т. 68, стр. 329. Наказъ Кадомокаго дворянства.

⁷⁾ Ibid., стр. 426. Наказъ Инсарскаго дворянства.

⁸⁾ Ibid., стр. 105. Наказъ Нижегородскаго дворянства.

⁹⁾ Ibid., стр. 353. Наказъ Данковскаго дворянства.

¹⁰⁾ Сб. Р. И. О., т. 107, стр. 225. Наказъ жителей гор. С.-Петербурга.

¹¹⁾ Ibid., стр. 226. Наказъ жителей города С.-Петербурга.

Но для выясненія въ болѣе широкомъ масштабѣ степени культурнаго уровня многочисленныхъ столичныхъ и провинціальныхъ избирателей, мы считаемъ не лишнимъ свести въ небольшую таблицу всѣ тѣ данныя, которыя говорятъ объ участіи неграмотныхъ избирателей въ выборахъ 1767 года ¹⁾.

Губерніи.	Дворяне.			Горожане.		
	Всего.	Неграмотныхъ.	% отъ неграмотн. до всей массы избират.	Всего.	Неграмотныхъ.	% неграмотн. до всей массы избират.
Оренбургская	185	111	60	—	—	—
Архангелогородская	331	93	28,09	—	—	—
Московская	1,756	314	17,88	4646	1543	33,17
Новгородская	977	141	14,33	69	3	4,35
Нижегородская	130	15	11,54	680	331	48,97
Новороссійская	309	33	10,68	—	—	—
Смоленская	206	19	9,22	30	—	0
Бѣлгородская	510	43	8,44	1404	441	31,41
Воронежская	553	45	8,14	1471	813	55,27
Малороссійская	884	53	5,99	521	383	73,51
Петербургская	41	2	4,88	100	—	0
Слободско-Украинская	254	11	4,33	—	—	—
Казанская	205	2	0,97	82	13	15,85
Кіевская	111	—	0	183	93	50,82
Астраханская	—	—	—	682	372	54,54
Эстляндская	165	—	0	—	—	—
Лифляндская	171	—	0	—	—	—
Сибирская	65	—	0	67	—	0
Иркутская	39	—	0	63	—	0
Выборгская	3	—	0	—	—	—

Свободныя данныя, приведенныя въ таблицѣ, представляютъ довольно любопытный матеріалъ для отвѣта на вопросъ, въ какихъ мѣстностяхъ населеніе отличалось большей образованностію, сравнительно съ другими. Оказывается, что въ наиболѣе благопріятномъ положеніи находились губерніи сѣверо-западные, юго-западные и восточныя до Сибири включительно. Наибольшій же процентъ малограмотныхъ дворянъ попадаетъ въ центральныя губерніи, на сѣверѣ и въ отдаленныхъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, далеко не подъ всеми наказами, напечатанными въ Сборникахъ Р. И. О., приведены подписи избирателей и очень часто имѣются лишь глухія ссылки на число подписавшихся лицъ и на количество листовъ или страницъ, на которыя эти подписи размѣщены въ рукописныхъ экземплярахъ. Ср., напр.: Наказы отъ городскихъ жителей Архангельской губерніи, т. 123, стр. 356—529.

окраинахъ на юго-западѣ и юго-востокѣ—Новороссія, Оренбургскій край. Что же касается горожанъ, то среди нихъ $0/10$ неграмотныхъ избирателей нерѣдко превышалъ половину всѣхъ лицъ, участвовавшихъ на выборахъ. При этомъ трудно установить какую-либо послѣдовательность въ распредѣленіи неграмотныхъ избирателей по территоріи страны. Не безынтереснымъ въ нашихъ глазахъ является только то, что выше всего въ культурномъ отношеніи стояли горожане Новгородской губерніи, гдѣ издавна населеніе отличалось большимъ умственнымъ развитіемъ. Наиболѣе малограмотными, оказывается, были губерніи: Малороссійская, Воронежская, Астраханская и Кіевская, вѣроятно, въ виду разноплеменнаго состава своего городского населенія. Среднее же мѣсто занимали города Московской губерніи, гдѣ подсчетъ обнаруживаетъ цѣлую $1/3$ неграмотныхъ лицъ среди избирателей. Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности выяснить степень грамотности сельскаго населенія, потому что въ громадномъ большинствѣ случаевъ подъ крестьянскими наказами имѣются подписи, или погостныхъ и провинціальныхъ повѣренныхъ, или сельскихъ должностныхъ лицъ, или представителей мѣстнаго приходскаго духовенства. Намъ кажется, что тѣ данныя, которыя почерпнуты были нами изъ наказовъ, въ достаточной мѣрѣ вскрываютъ малоотрадную картину культурной отсталости Россіи, въ моментъ созыва Законодательной Комиссіи 1767 года. Однако, на этомъ общемъ довольно сѣромъ фонѣ русской жизни XVIII вѣка попадались и отрадные явленія. Такъ, когда весной 1768 года пренія въ Комиссіи сосредоточены были на обсужденіи мѣръ, касающихся хозяйственнаго и правового положенія купечества, симбирскій депутатъ Ларіоновъ отмѣтилъ въ своей рѣчи значительный культурный уровень инородческаго населенія въ Поволжѣ: „но еще болѣе надлежитъ учить новокрещенныхъ чувашей и народъ Мордовскій и Черемисскій, говорилъ онъ въ 100-мъ засѣданіи, ибо живущіе между ними мухаммедане имѣютъ обыкновеніе не только въ большихъ деревняхъ, но и въ малыхъ, гдѣ не болѣе, какъ двадцать дворовъ, содержать училище для обученія малыхъ дѣтей“ ¹⁾).

¹⁾ Сб. Р. И. О., т. 14, стр. 202. Приводимъ здѣсь любопытную выдержку изъ Путевыхъ записокъ извѣстнаго Рычкова, который въ 1769 г. былъ въ Поволжѣ, т. е. какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ говоритъ симбирскій депутатъ. Въ одной изъ главъ его записокъ, посвященной описанію Казанской губ., мы читаемъ: „Проѣзжая по большей части татарскими деревнями, съ прилежаніемъ взиралъ я на воспитаніе ихъ

Такимъ образомъ восточная инородческая окраина отличалась, оказывается, большей образованностью, сравнительно съ коренными русскими областями.

Но чтобы составить себѣ наиболѣе полное представленіе о культурномъ состояніи Россіи въ моментъ избирательной кампаніи 1767 года, нельзя ограничиваться только тѣми данными, которыя касаются всей страны вообще. Вѣдь Россія къ эпохѣ Екатерины II успѣла превратиться изъ полицейскаго государства времени Петра Великаго въ сословную монархію со строгимъ расчлененіемъ всѣхъ жителей на нѣсколько рѣзко другъ отъ друга отдѣленныхъ общественныхъ группъ. Дворяне кичились своимъ благородствомъ и высокоомѣрно относились ко всѣмъ кто по ихъ мнѣнію обладалъ черной костью. Все, что не было благороднымъ, клеймено было эпитетомъ подлости. Но и среди непривилегированныхъ элементовъ населенія наблюдалась значительная общественная дифференція. Горожане съ высоко поднятой головой смотрѣли на крестьянскую массу, а духовенство не только городское, но и сельское, отличаясь всегда значительной сословной замкнутостью, особнякомъ стояло и отъ тѣхъ и отъ другихъ. Поэтому, чтобы дать вполнѣ законченный очеркъ культурнаго уровня страны къ 1767 году, надо воспользоваться тѣми свѣдѣніями изъ наказовъ и протоколовъ, какія говорятъ намъ о степени интеллигентности отдѣльныхъ сословныхъ группъ. Начнемъ нашъ обзоръ съ дворянскаго сословія.

Дворянская масса, въ свою очередь, не представляла чего-либо одинаго. Конечно, землевладѣльцы тѣхъ уѣздовъ, которые лежали ближе къ столицѣ, были значительно развитѣе, сравнительно съ помѣщиками отдѣльныхъ медвѣжьихъ угловъ. Какіе-нибудь Пареевскіе, или Солигалицкіе дворяне не могли стоять на одной ступени умственнаго развитія съ крупно: по-

---

дѣтей. Обряды, кои употребляютъ они при воспитаніи питомцевъ своихъ, достойны справедливой похвалы: ибо они съ самаго младенчества стараются или воспитать въ познаніи ихъ закона и всѣхъ должностей человеческихъ. А для того почти въ каждой татарской деревнѣ находится молитвенный храмъ и училище для дѣтей, которыхъ обучаетъ живущій тутъ мулла. При вступленіи младенца въ сіе похвальное училище, мулла сей начинаетъ ихъ учить словеснымъ наукамъ татарскаго и арапскаго языка, потомъ показываетъ имъ правила, законы и толкуетъ имъ таинство ихъ священнаго Алкорана. Не изъяты отъ такого воспитанія дѣти и женскаго полу; а разность только состоитъ въ томъ, что дѣвицъ не всѣ учатъ по арапски, но только одни почетные и богатые отцы“. Стр. „Журналъ или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства“.

мѣстными владѣльцами подмосковныхъ усадьбъ, или съ титулованной знатью, земельныя латифундіи которой встрѣчались преимущественно въ западныхъ и южныхъ губеніяхъ. Если среди рядового дворянства было много тьмы и невѣжества, то среди придворныхъ и столичныхъ круговъ не мало встрѣчалось той свѣткости и лоска, которые въ XVIII вѣкѣ назывались обычно словомъ „политесь“. Посмотримъ сперва, каковы были быть и нравы провинціального дворянства, а затѣмъ приведемъ данныя, вскрывающія передъ нами культурный уровень болѣе образованной части дворянскаго сословія. Такъ дворяне Смоленскаго уѣзда говорятъ о себѣ, что они: по изнеможенію и недостатку своему для обученія дѣтей содержать достойныхъ учителей способа не имѣютъ, и за скудостью въ учрежденныя училищныя мѣста вести не въ состояніи, черезъ то не только иностранными и указными не пользуются науками, но и російской грамотѣ нѣкоторые съ нуждою обучаются“¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ имперіи положеніе было еще хуже. „Дворяне бѣдные и недостаточныя, но такъ какъ и дѣти ихъ по ихъ бѣдности не довольно прочими науками, но и російской грамотѣ безъ ученія остаются“ (Пареевскіе дворяне), и „возрачиваютъ безъ всякой науки, такъ что и грамотѣ не умѣютъ“ (Дорогобужскіе дворяне), „въ учителяхъ же имѣютъ крайнюю нужду и тѣхъ учителей собственно черезъ однихъ себя для пользы всего общества откуда бы получить способа не имѣютъ“ (Курскіе дворяне)²⁾. Отсутствіе образованія естественно должно было пагубно отражаться на провинціальномъ обществѣ, особенно на молодыхъ его представителяхъ: „Небогатые дворяне, а иные оставшіе въ сиротствахъ ихъ дѣти... живутъ въ домахъ своихъ безъ всякаго наученія праздно, отчего государственнаго плода быть отъ нихъ уже не можно“³⁾, говорятъ Бѣлгородскіе дворяне.

Если Бѣлгородскій наказъ главнымъ образомъ подчеркиваетъ моментъ государственный и служебный, то костромскіе и верейскіе дворяне переносятъ центръ тяжести своего вниманія на бытовыя условія жизни. Отмѣчая недостатокъ образо-

¹⁾ Ibid., т. 14, стр. 422.

²⁾ Ibid., т. 14, стр. 489, 433 и т. 68, стр. 549.

³⁾ Ibid., т. 68, стр. 656. Наказъ Бѣлгородскаго дворянства. Ср. изъ Наказа Черниговскаго шляхетства: „тѣ, которыхъ счастье не одарило достаткомъ, отдаленностью и другими неудобствами лишеныя способовъ къ хорошему воспитанію дѣтей, оставляли ихъ безъ надлежащаго присмотра въ домахъ возрастать бесполезно и частію въ тягость обществу“. Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., стр. 14.

вательныхъ средствъ въ своемъ уѣздѣ, костромичи заключаютъ свои жалобы такими словами: „отчего тѣ ихъ дѣти въ невѣжествѣ и косности возрастаютъ, и не только дѣлаются неспособными къ службѣ, но и ни малѣйшаго вида дворянскаго въ житіи и въ поведеніи своемъ не имѣютъ; а многіе черезъ то приходятъ въ разныя гнусныя страсти и шалости, которыя имъ же самимъ, наконецъ, во-вредъ и погибель обращаются ¹⁾“. Верейцы же въ своемъ наказѣ говорятъ: „и такъ дѣти тѣхъ бѣдныхъ дворянъ, живучи при отцахъ ихъ безъ всякихъ наукъ, коснѣютъ, а пришедъ въ совершенныя лѣта, за незнаніемъ наукъ (а много и такихъ есть, которые російской грамотѣ за бѣдностью и сиротствомъ не учились), только что записываются въ солдаты ²⁾“. Слѣдовательно, отсутствіе даже самаго примитивнаго образованія пагубно отражалось на моральной сторонѣ дворянскаго быта, и дворянскіе недоросли за сорокъ лѣтъ, протекшихъ со смерти Петра Великаго, совсѣмъ не подвинулись по пути культурнаго развитія и продолжали въ своихъ отцовскихъ и дѣдовскихъ гнѣздахъ „словно лѣсъ нечищенный расти“, по образному выраженію крестьянина-публициста Посошкова.

Однако, наиболѣе активная половина дворянскаго сословія не чужда была стремленія перестроить заново основныя устои тогдашней провинціальной жизни. Она глубоко при этомъ сознавала высокую цѣнность знанія вообще, особенно для государства, какъ союза общественнаго блага. „Что же принадлежитъ до воспитанія всякаго гражданина“, говорилъ депутатъ Днѣпровскаго Пикивернаго полка Козельскій 21-го сентября 1767 г., „то оно необходимо нужно для пользы государственной, а не лично для него одного ³⁾“. Если такъ говорили дворянскіе депутаты, то они, вѣроятно, отражали въ своихъ рѣчахъ точку зрѣнія своихъ избирателей. Очевидно, далеко не всюду царило безпросвѣтное невѣжество, и среди провинціальнаго дворянства попадались отдѣльныя группы, захваченныя новыми культурными вѣяніями. „Многіе російскіе дворяне“, говорилъ въ сентябрѣ 1767 года Бѣльскій депутатъ Потемкинъ: „обучаютъ дѣтей своихъ всякимъ иностраннымъ языкамъ, ариметикѣ, геометріи и фортификаціи собственнымъ иждивеніемъ, не жалѣя для уплаты иностраннымъ учителямъ своихъ денегъ ⁴⁾“.

¹⁾ Ibid., т. 4, стр. 246.

²⁾ Ibid., стр. 381.

³⁾ Ibid., стр. 189.

⁴⁾ Ibid., т. IV, стр. 209

Это заявленіе для насъ представляетъ тѣмъ большую цѣнность, что дворяне землевладѣльцы какъ разъ сосѣднихъ уѣздовъ Смоленскаго и Дорогобужскаго утверждали въ своихъ наказахъ совершенно противоположное. И въ другихъ мѣстностяхъ имперіи попадались явленія чрезвычайно отрадныя. Тамъ дворянъ и разночинцевъ перестало уже удовлетворять чисто зоологическое существованіе, и они стремились жить жизнью культурнаго человѣка. „Въ нашемъ пространномъ государствѣ“, утверждалъ въ своей рѣчи одинъ изъ Малороссійскихъ шляхетскихъ депутатовъ Мотонисъ: „можно сыскать множество людей всякаго сословія, которые презрѣдно воспитываютъ своихъ дѣтей; порочные бываютъ во всякомъ званіи; учатся наукамъ и художествамъ и мѣщанскія, и другихъ сословія дѣти; а отцы ихъ служатъ ревностно государю и отечеству ¹⁾“ Эти слова депутата Мотониса находятъ себѣ прекрасное подтвержденіе въ заявленіяхъ цѣлаго ряда малороссійскихъ наказовъ. „Жители здѣшніе тѣ токмо, кои не препятствовали достатокъ, отправляли дѣтей своихъ въ Санктъ-Петербургъ и Москву и въ чужіи края ²⁾“. Такъ говорятъ въ своемъ наказѣ черниговскіе дворяне. „А и въ здѣшнемъ народѣ особливѣйшая къ наукамъ склонность и охота видится“, читаемъ въ наказѣ Глуховскаго шляхетства, но за отдаленностью отъ здѣшняго краю университетовъ и другими препятствующими неудобствами, а иншіе отсылая дѣтей своихъ въ иностранныя земли, приходятъ въ оскудѣніе ³⁾“.

Но если въ уѣздахъ по западной границѣ культура хотя и недостаточно глубоко бороздила теченія общественной жизни, то въ далекой восточной окраинѣ не замѣтно было и этой легкой выби и тамъ жизнь засасывала обывателей, какъ вредоносная болотная трясина. Такъ во время обсужденія въ Большомъ Собраніи законовъ, касающихся до дворянства, лидеръ праваго крыла Комиссіи извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ вступилъ въ горячую полемику съ представителемъ г. Енисейска, Степаномъ Самойловымъ, доказывая, что на сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отнюдь нельзя распространять тѣхъ привилегій, которыхъ добивались Россійскіе дворяне въ періодъ дворцовыхъ переворотовъ. Свое отрицательное отношеніе къ сибирскимъ дворянамъ этотъ лучшій

¹⁾ Ibid., стр. 170.

²⁾ Ibid., стр. 14. Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года.

³⁾ Ibid., стр. 6 и 7. Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года

ораторъ Комиссіи 1767 года аргументировалъ ссылками на безконечно низкій культурный уровень Сибирской окраины. Для этихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ прежде всего, по его словамъ, „надлежитъ учредить въ главныххъ городахъ Сибири школы нужнѣйшихъ наукъ, дабы въ эту страну, сколь возможно, проникало просвѣщеніе ¹⁾“.

Въ столицахъ и ближайшихъ къ нимъ мѣстностяхъ жизнь складывалась иначе: тамъ и бытъ, и нравы были другіе, тамъ сильнѣе давало себя чувствовать вліяніе европейской цивилизаціи. Французскія моды и французскій языкъ быстро усваивались столичнымъ дворянствомъ, а все „свое“, проникнутое старо-русскими преданіями, признавалось удѣломъ мѣщанства и подлости. „Нынѣ многіе дворяне и разнаго чина люди“, писалъ въ своихъ пунктахъ ростовскій архіерей—„обучая дѣтей своихъ разнымъ языкамъ и свѣтскимъ наукамъ, отнюдь не стараются катихизиса обучать, такъ что многіе дворянскіе дѣти церковной печати и читать не умѣютъ ²⁾“. Удивляться этому было бы странно, потому что главную роль въ дѣлѣ воспитанія дворянской молодежи играли иностранцы. Объ этихъ педагогахъ много писали въ XVIII вѣкѣ, и намъ типъ гувернера-иностранца очень памятенъ и по сатирическимъ журналамъ и по бытовой комедіи. Но и въ наказахъ 1767 г. эти иноземные учителя не были обойдены молчаніемъ. О нихъ довольно много говоритъ Академія Наукъ, относясь при этомъ къ нимъ весьма отрицательно. „Учители-чужестранцы, обучающіе наше юношество въ домахъ, конечно, больше вреда, нежели пользы, намъ приносятъ, потому что несравненно большая часть негодныхъ, нежели хорошихъ сюда выѣзжаютъ ³⁾“. Особенно обрушивается академическій наказъ на низкій нравственный уровень гувернантокъ изъ иностранокъ, которымъ поручается воспитаніе дѣтей въ дворянскихъ домахъ. „Къ тому же выѣзжающіе учителя, какъ всѣмъ извѣстно, не только учатъ, но и въ воспитаніи великую часть имѣютъ, а иногда и совсѣмъ воспитателями многихъ дѣтей, по соизволенію отцовъ и родственниковъ, дѣлаются. Мадамы также и мамзели пользуются преимуществомъ учить и воспитывать наше юношество безъ одобрительнаго свидѣтельства о своемъ поведеніи, а въ самомъ дѣлѣ многія изъ нихъ не только худого, но и безчестнаго поведе-

¹⁾ Ibid., т. IV, стр. 161.

²⁾ Ibid., т. 43, стр. 423.

³⁾ Ibid., т. 43, стр. 372.

нія ¹⁾“. И Ростовскій владыка и члены Академіи Наукъ, одинаково враждебно относясь къ воспитанію исключительно на иностранный ладъ, предлагаютъ рядъ мѣръ, которыя могли бы явиться своего рода коррективомъ въ дѣлѣ воспитанія дворянской молодежи. Первый считаетъ необходимымъ неуклонное исполненіе синодальныхъ указовъ 1743 года, въ которыхъ подъ угрозой значительнаго штрафа строго предписывалось „дабы по всей Россійской Имперіи дворяне и разнаго чина люди дѣтей своихъ изъ младыхъ лѣтъ, сначала обученія россійскихъ книгъ чтенію, обучали прямаго знанія толкованія букваря и катихивиса, также-бъ и другія книги церковныя читать тщились. дабы черезъ то христіанскую должность и догматы православныя вѣры знать и въ томъ бы право поступать и отъ развратниковъ себя сохранять могли ²⁾“. Вторые же высказываются за самую тщательную предварительную провѣрку научныхъ знаній иностранцевъ, желающихъ посвятить себя дѣлу воспитанія; и за установленіе путемъ специальныхъ свидѣтельствъ степени ихъ нравственной безупречности. Правда, еще въ царствованіе Елизаветы Петровны предписано было подвергать испытанію при Академіи въ Петербургѣ, или при Университетѣ въ Москвѣ учителей и гувернеровъ изъ иностранцевъ, однако, этотъ указъ объ экзаменахъ въ жизнь проведенъ не былъ. Что же касается предъявленія свидѣтельства о нравственной благонадежности, то эта мѣра являлась вполнѣ новой. Объ этомъ въ академическомъ наказѣ встрѣчаемъ слѣдующій пунктъ: „Академія за полезное почитаетъ, чтобъ выѣзжающіе учителя и учительницы привозили съ собою одобрительныя въ поведеніи своемъ достовѣрныя свидѣтельства и представляли бы оныя при экзаменѣ ³⁾“. Если въ наказѣ Академіи Наукъ и въ пунктахъ Ростовскаго архіерея для поднятія культурнаго уровня дворянъ предлагались мѣры въ общемъ довольно мягкія и цѣлесообразныя, то изъ среды провинціального дворянства выдвигались проекты нѣсколько иного свойства. „Предводителя же и земскихъ судей долгъ сверхъ положеннаго на нихъ дѣла состоитъ еще и въ томъ“, читаемъ въ Наказѣ Дмитровскихъ дворянъ — „что бы при общихъ собраніяхъ уговаривать cadaго дворянина обучать дѣтей своихъ разнымъ полезнымъ наукамъ и языкамъ; особливо стараться о

¹⁾ Ibid., стр. 372.

²⁾ Ibid., стр. 422.

³⁾ Ibid., т. 43. стр. 372.

наученіи дѣтей правильному знанію російскаго языка ¹⁾“. На этомъ своеобразномъ предложеніи отразилось служилое происхожденіе дворянскаго сословія, которое издавна привыкло рѣшительно во всемъ испытывать на себѣ начальственное воздѣйствіе или столичныхъ или мѣстныхъ властей.

Въ рамкахъ крѣпостнаго строя русскій городъ XVIII вѣка влачилъ довольно жалкое существованіе; ему трудно было развиваться и расти въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ хозяйственнаго быта, который повсемѣстно господствовалъ въ странѣ. Онъ почти не жилъ той напряженной и разносторонней жизнью, какая являлась отличительной чертой громаднаго большинства городовъ Западной Европы, и его населеніе въ культурномъ отношеніи должно было лишь немногимъ отличаться отъ жителей селъ и деревень. Мы уже видѣли, какой громадный процентъ неграмотныхъ отмѣченъ наказами почти во всѣхъ городахъ, принимавшихъ участіе въ выборахъ 1767 года. Теперь посмотримъ, какъ сами избиратели въ своихъ наказахъ характеризуютъ культурный обликъ русскаго города въ моментъ созыва Законодательной Комиссіи. „Молодые граждане, имѣя худое отъ непросвѣщенныхъ нимаго отцевъ и матерей воспитаніе, и лишаясь совокупно самыхъ первыхъ необходимыхъ наставленій, вступаютъ по необходимости малолѣтства въ нашѣмъ посадѣ въ служенія при питейныхъ казенныхъ сборахъ, портятъ около пьянственныхъ дѣлъ природные свои нравы, а черезъ то гражданство вообще лишается прочныхъ гражданъ, купечество же особливо добрыхъ, вѣрныхъ и обученныхъ служителей ²⁾“. И это говорятъ не жители какого-нибудь захудалаго городка, а избиратели такого крупнаго торговаго центра, какимъ былъ въ XVIII вѣкѣ Архангельскъ. Глубокой грустью вѣетъ отъ слѣдующихъ словъ его наказа, въ которыхъ удительно рельефно выступаетъ сознаніе важности и цѣнности образованія для всѣхъ городскихъ жителей безъ различія пола и происхожденія: „принуждены мы стерпеть недостатокъ въ обученіи грамотѣ дѣтей, потому что по большей части они отъ предувѣреній и скудости со стороны родителей не учеными остаются, особливо-жъ женскій полъ, коему ввѣряется по замужествѣ воспитаніе дѣтей и домашняя экономія, почти и вовсе того лишается ³⁾“. Выдвигая на первый планъ связь

¹⁾ Ibid., т. VIII. стр. 506.

²⁾ Ibid., т. 123. стр. 463.

³⁾ Ibid., стр. 463.

между образованіемъ и торговой дѣятельностью, составители архангелогородскаго наказа красиво и образно вскрываютъ передъ законодательной Комиссіей, какой глубокой ущербъ испытываетъ государство отъ того безпросвѣтнаго мрака невѣжества, въ которомъ пребывало городское торгово-промышленное населеніе. „Коммерція лишается искусныхъ негоціантовъ, каковыми просвѣщенная Европа, наполнена будучи, всегда умѣетъ верхъ одерживать въ своихъ прибыткахъ. И этого ради можетъ угодоблена быть такой мануфактурѣ, которая, имѣя хорошіе матеріалы, а неисправные инструменты, не можетъ достигнуть совершенства 1)“.

Но всесторонне освѣщая темныя стороны городского быта середины XVIII вѣка, указы стремятся внести лучъ свѣта въ это царство почти сплошнаго мрака и поголовнаго невѣжества. Они не только устанавливають діагнозъ болѣзни, но и выдвигаютъ цѣлый рядъ животворныхъ мѣръ для ея излѣченія. Вотъ, на примѣръ, что говоритъ въ своемъ наказѣ Главная Полиція. „Доброе воспитаніе дѣтей сколь нужно, извѣстно всякому благоразумному, и резоны описывать за излишнее находится 2)“. Главнымъ воспитательнымъ средствомъ является безспорно школа, но, на-ряду съ нею, громадное культурное значеніе въ глазахъ Екатерининской Полиціи имѣла книга, объ удешевленіи которой, преимущественно въ цѣляхъ образовательныхъ, она выражаетъ большую заботливость. „Церковныхъ и учебныхъ, книгъ то-жъ и законовъ военныхъ и гражданскихъ дорогою цѣною продавать запретить и единственно такую цѣною, что бы только типографія въ напечатаніи убытку имѣть не могла, дабы каждый за дешевую цѣну могъ тѣ необходимо нужныя книги имѣть 3)“. Другое правительственное учрежденіе, тоже близко стоящее къ городскому торгово-промышленному населенію,—Коммерцъ-Коллегія видитъ также въ книгѣ громадный факторъ для хозяйственнаго и идейнаго развитія страны. „Надлежитъ при Коммерцъ-Коллегіи завести бібліотеку“, читаемъ мы въ ея наказѣ — „и на выписываніе изъ иностранныхъ государствъ таковыхъ полезныхъ для Россійской коммерціи свѣдѣній и на переводъ оныхъ опредѣлить на каждый годъ сумму изъ таможенныхъ доходовъ до тысячи рублей 4)“. Если такъ говорила высшая бюрократія того вре-

1) Ibid., т. 123, стр. 464.

2) Ibid., т. 43, стр. 350.

3) Ibid., стр. 357.

4) Ibid., т. 43, стр. 199.

мени, то мы уже заранее можемъ предполагать, что и среди городскихъ избирателей были лица, которыя въ школѣ и книгѣ видѣли лучшее средство для борьбы съ тѣмъ недугомъ, который пустилъ такіе глубокіе корни въ городской жизни екатерининской Россіи. „Недостатокъ же въ обученіи дѣтей христіанскому исповѣданію произошелъ отъ недостатка средствъ, къ сему намѣренію необходимыхъ ¹⁾“, заявляютъ въ своемъ наказѣ жители города Архангельска. Этими же средствами по ихъ глубокому убѣжденію являются „книги, которыя бы для сего намѣренія на разные классы, смотря по количеству лѣтъ дѣтскихъ, раздѣлясь, объ одной матеріи изданы были; школьныя исправныя мастера, коихъ недостаточное нынѣ число по той причинѣ видимъ, что они довольнаго содержанія отъ неположенія имъ за обученіе доходовъ и отъ малаго числа учениковъ, по непринужденію къ тому ихъ родителей, себѣ снискать не могутъ ²⁾“. На-ряду съ только-что указанными средствами, для поднятія культурнаго уровня торгово-промышленнаго класса предлагались и другія мѣры. Такъ, на-примѣръ, 9-го октября 1767 года въ 36-мъ засѣданіи Большой Комиссіи депутатъ Коммерцъ-Коллегіи, Межениновъ говорилъ въ своей рѣчи о томъ, чтобы „для обученія коммерціи и бухгалтеріи посылать купеческихъ дѣтей по желанію ихъ отцовъ въ чужіе край ³⁾“.

Невысокимъ нравственнымъ и умственнымъ уровнемъ отличалось и духовное сословіе. Правда, тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются въ нашихъ рукахъ, почерпнуты нами изъ дворянскихъ наказовъ, но трудно предполагать, что въ данномъ случаѣ на характеристикѣ приходскаго духовенства отразилась какая-нибудь сословная или классовая вражда. По всему вѣроятію дворяне въ своихъ наказахъ только констатировали фактъ, такъ какъ и изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ серединѣ XVIII вѣка представители духовнаго сословія не отличались большими моральными достоинствами и высокимъ умственнымъ развитіемъ. „Вкоренить въ сердца наши страхъ, чтобъ помнили Бога и законъ его, а зависить оное не отъ иного чего, ежели бы мы имѣли священниковъ не таковыхъ, какъ нынѣ“ ⁴⁾, говорятъ въ своемъ наказѣ дворяне Ефремовскаго уѣзда. Почти съ аналогичной жалобой сталкиваемся мы и въ наказѣ Псков-

¹⁾ Ibid., т. 123, стр. 463.

²⁾ Ibid., стр. 464.

³⁾ Ibid., т. VIII, стр. 73.

⁴⁾ Ibid., т. 68, стр. 463.

скихъ дворянъ: „простой нашъ народъ, по ихъ словамъ, мало о законѣ знаетъ, а много и таковыхъ, кои и совсѣмъ не знаютъ потому что не имѣемъ тѣхъ, кои-бъ, доказательно изъясня, научали“¹⁾).

Въ обоихъ этихъ наказахъ довольно рѣзкими штрихами обрисовано приходское духовенство. „Во всемъ городѣ Ефремовѣ и уѣздѣ, почти заключить единымъ словомъ, не находимъ ученаго священника, то отъ неразумія ихъ нежели наставить на истинный законъ, но еще сами въ худыхъ предпріятіяхъ состоятъ“²⁾).

„Духовенство нашего православнаго закона въ высочайшемъ градусѣ знанія, но токмо оныхъ весьма малое число имѣется, а прочіе и наипаче, кои во обществѣ не просвѣщенныхъ, не знающіе еще тѣхъ, коимъ научать долгъ имѣютъ; слѣдовательно, можетъ ли незнающій научить незнающаго, нѣтъ; а можетъ въ несправедливое увѣреніе довести“³⁾. Въ какихъ только житейскихъ и нравственныхъ порокахъ не пребывали, по словамъ дворянства, священно и церковно-служителя. „Многіе входятъ въ ябеды, коихъ священный чинъ не дозволяетъ, и употребляютъ себя въ другихъ количествахъ, т. е. въ пьянствахъ и въ чиненіи безобразностей“, жалуются Ефремовскіе дворяне—„и отъ невоздержанія и малоразумія ихъ являются нныя по оговорамъ отъ воровъ“⁴⁾. „Какъ получить который постъ священнической“, говорятъ Псковскіе дворяне—„прибывъ къ своей должности, вознамѣритъ, что онъ великій санъ на себѣ имѣетъ, не мнитъ о справедливой паствѣ стада своего, а думаетъ по неразумію своему, что ему оное будто по наслѣдству для сожитія его въ здѣшнемъ вѣкѣ досталось; не токмо какое поученіе, ниже о чемъ изъяснить о худомъ и хорошемъ можетъ, ибо самъ мало знаетъ. Какъ же непросвѣщенные простолюдины и не знающіе ни о чемъ могутъ познать о справедливости и о спасеніи души своей, если цѣлый вѣкъ свой живъ, не слышатъ о полезномъ и неполезномъ и не имѣютъ отъ кого слышать“⁵⁾).

Все это приводило къ самымъ печальнымъ результатамъ, такъ какъ невѣжественное духовенство не могло благотворно вліять на свою паству. „То уже видя оное, подлый народъ

¹⁾ Ibid., т. 14, стр. 396.

²⁾ Ibid., т. 68, стр. 463.

³⁾ Ibid., т. 14, стр. 396.

⁴⁾ Ibid., т. 68, стр. 463.

⁵⁾ Ibid., т. 14, стр. 396.

какого отъ нихъ благочинія набратся можетъ. Кромѣ отъ таковой соблазны, отвергаются отъ церкви Божіей и входятъ во всякія незаконныя дѣла“¹⁾), пишутъ въ своемъ наказѣ Ефремовскіе дворяне, а псковичи еще болѣе сгущаютъ краски, устанавливая тѣсную связь между низкимъ моральнымъ уровнемъ духовенства и широко распространенными въ обществѣ пороками. „Въ обществѣ“, говорятъ они—„большія несправедливости, ложь, воровство, грабительство и смертоубійство не искореняются; ибо сколько закону свѣтскому за преступленія сіи ни подвержены, но не имѣя страха Божія и поученія о немъ не уважаютъ“²⁾). Правда, дворяне не отрицаютъ того, что правительство принимаетъ мѣры къ распространенію образованія среди духовенства, „доводитъ священство въ познаніе, какъ то черезъ учиненныя училища, семинаріи и проч.“³⁾), однако эти мѣры не оказываютъ рѣшительно никакого вліянія на духовенство сельское, о которомъ главнымъ образомъ и говорятъ дворянскіе указы. „Въ коихъ случается до достоинствъ которымъ дойти“, замѣчаютъ по этому поводу псковичи—„тѣ опредѣляются къ знатымъ постамъ, а по крайности въ городахъ, а въ уѣзды посылаются изъ уѣздныхъ же, производя къ заступленію мѣстъ по линіи, по неимѣнію людей ученыхъ и по необходимости нужды“⁴⁾).

Но развертывая передъ законодательной комиссіей довольно мрачную картину быта и нравовъ сельскаго духовенства, дворянскіе избиратели выдвигали рядъ мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ.

Тѣ изъ нихъ, которые въ своихъ наказахъ останавливались на положеніи духовнаго сословія, въ одинъ голосъ указываютъ, что только путемъ образованія можно поднять культурный уровень священнослужителей и способствовать установленію ихъ вліянія на темную массу сельскаго населенія. Вотъ, напр., какія мѣры предлагаютъ Ефремовскіе дворяне: „Какового званія священники ни были, указать посвѣщать знающихъ ученыхъ людей, отъ коихъ бы народъ, видя ихъ достоинства и хорошее поученіе, почувствовать о своей жизни могли и черезъ то-бъ доказали установленный законъ Ея Императорскаго Величества“⁵⁾). Съ еще болѣе широкимъ планомъ реформы вы-

¹⁾ Ibid., т. 68, стр. 463.

²⁾ Ibid., т. 14, стр. 396.

³⁾ Ibid., т. 14, стр. 396.

⁴⁾ Ibid., т. 14, стр. 397.

⁵⁾ Ibid., т. 68, стр. 463.

ступили псковичи: они обращаются съ просьбой о томъ, чтобы повелѣно было „въ уѣздные священники опредѣлять изъ ученыхъ и выпускныхъ по достоинству изъ семинаріи, коимъ быть на довольной ругѣ и на жалованьи, а не на пашнѣ“¹⁾. Въ этомъ, по мнѣнію Псковскихъ дворянъ, заключается единственное средство оздоровить ту тяжелую атмосферу, въ которой пребываетъ русская деревня. „Ибо ученый и знающій пастырь потачки въ беззаконіяхъ не сдѣлаетъ, и какъ какое преступленіе противъ закона важно истолкуетъ ясно, и отъ всякихъ худыхъ поступковъ паство свое воздержатъ возможетъ, потому что простой народъ весьма въ ономъ стремителенъ, когда видитъ худой поступокъ духовнаго пастыря, тотчасъ воображаетъ, что ему то-жъ дѣлать слѣдственно, когда-жъ хорошій, то весьма наблюдаетъ поступать по немъ“²⁾. Однако, желая быть вполнѣ реальными политиками, псковичи понимали, что при недостаткѣ духовныхъ учебныхъ заведеній въ Россіи не мыслимо въ ближайшее время заполнить всѣ приходы вполнѣ подготовленными къ выполненію своихъ обязанностей священнослужителями. Они поэтому идутъ на компромиссъ и предлагаютъ половинчатую мѣру, лишь отчасти разрѣшающую вопросъ. „Но какъ такихъ ученыхъ и достойныхъ во всѣ мѣста доколѣ и въ училищахъ умножатся къ опредѣленію набрать не можно“, говорятъ они въ заключеніе—„то, по крайней мѣрѣ, подъ смотрѣніемъ одного еще пять должность свою съ успѣхомъ, хотя и неученые, но достойные, отправлять могутъ; а въ городахъ все лучше и уѣздные быть могутъ, потому что всегда подъ страхомъ, и много смотрителей за собой имѣть будутъ“³⁾.

Но въ Россіи XVIII вѣка образованіе было цѣнно не само по себѣ; въ немъ видѣли главнымъ образомъ средство для матеріальнаго и соціальнаго преуспѣянія. Насъ поэтому не должно удивлять то предложеніе, которое включилъ въ свои пункты Петербургскій митрополитъ Гавріилъ: „Ученымъ священникамъ и дьяконамъ, буде ученія должность исполнять будутъ передъ неучеными, хотя бы и старшими, предстояние и преимущество имѣть“⁴⁾, писалъ онъ въ Синодъ, выясняя нужды и недостатки своей епархіи. Почти на томъ же настаиваетъ Кіевскій митрополитъ, говоря о преимуществахъ, которыми должны поль-

¹⁾ Ibid., т. 14. стр. 396.

²⁾ Ibid., т. 14. стр. 396—397.

³⁾ Ibid., т. 14, стр. 397.

⁴⁾ Ibid., т. 43. стр. 417.

зоваться воспитанники академіи. По его мнѣнію, слѣдуетъ узаконить „чтобы вси тѣ студенты, кои себе отличать трудолюбіемъ, превосходнымъ успѣхомъ въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ, а за то заслуживаютъ похвальныя отъ Академіи свидѣтельства, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ чинахъ имѣли къ достиженію желаемыхъ мѣстъ преимущество и первенство передъ прочими“¹⁾).

На общемъ фонѣ тѣхъ печальныхъ явленій, которыми полна была жизнь и сельскаго и городскаго духовенства, довольно отраднымъ исключеніемъ была малороссійская Украина: въ ней, благодаря дѣятельности Кіевской Академіи, культурный уровень какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства былъ значительно выше, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ имперіи. „Толико число священниковъ изъ одной Академіи произошло“, читаемъ въ пунктѣ отъ Кіевской епархіи—„что вси полковые города епархіи Кіевской безнужно оными снабжены, да и прочіе малые города и мѣстечки, едва не вси, тако же и нѣкоторыя лучшія села таковыми же людьми съ успѣхомъ въ наставленіи и просвѣщеніи простаго народа трудящимся довольствуются и впредь еще удовольствованы быть могутъ“²⁾).

Если вообще провинціальное общество, какъ мы видѣли, стояло на довольно низкомъ уровнѣ культурнаго развитія, то можно представить себѣ, какая безпросвѣтная тьма невѣжества царилъ въ русской деревнѣ того времени. Правда, въ депутатскихъ наказахъ и въ протоколахъ комиссіонныхъ засѣданій мы найдемъ довольно мало указаній на это, но все же то немногое, что можетъ быть почерпнуто изъ нашихъ источниковъ, рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ картину умственнаго и нравственнаго развитія деревенскаго населенія Россіи въ серединѣ XVIII вѣка. „Во всей Россійской имперіи“, говоритъ въ своихъ пунктахъ Ростовскій епископъ Аванасій, крестьянскія дѣти приходятъ въ возрастъ безграмотные, а потому не только закона христіанскаго, сколько возможно, но и неминуемо должныхъ христіанину повседневныхъ молитвъ многіе знать не могутъ, рѣдкій же крестьянинъ и о самомъ Богѣ надлежащее понятіе имѣеть“³⁾. Результатомъ подобнаго рода положенія вещей была значительная грубость нравовъ, на что особенно настойчиво указуютъ представители помѣстнаго дво-

¹⁾ Ibid., т. 43, стр. 90—91.

²⁾ Ibid., т. 43, стр. 92 и 93.

³⁾ Ibid., стр. 422.

рияства. Такъ Серпейскій депутатъ, графъ Строгановъ, говоря объ убійствѣ крестьянами одного помѣщика со всей его семьей, восклицаетъ: „сіи злодѣи, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина своего разлучивъ умертвили, но и жену его и нерожденного еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали“¹⁾. Въ глазахъ графа Строганова единственнымъ средствомъ для искорененія подобныхъ дикихъ расправъ являются училища, потому что „если бы просвѣщеннѣй сей родъ людей былъ, то, конечно, бы подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были“²⁾. Но не слѣдуетъ думать, что на такомъ низкомъ культурномъ уровнѣ стояла только крѣпостная крестьянская масса. И среди деревенскаго населенія поморскаго сѣвера грамотные люди были рѣдкимъ исключеніемъ. Такъ въ наказѣ Ковской волости, Кольскаго уѣзда крестьяне горько жалуются на тягость выборныхъ службъ, говоря, что всѣ они „дѣйствительно грамотны не умѣютъ и имъ, въ силу этого, приходится „наймовать счетчиковъ, ларешныхъ и цѣловальниковъ платами и отъ того претерпѣвать крайнее разореніе и нужду“³⁾. Такимъ образомъ сами крестьяне сознавали крайнее практическое неудобство отъ господствовавшаго среди нихъ невѣжества и этимъ какъ бы косвенно указывали на необходимость заведенія по деревнямъ хотя бы самыхъ элементарныхъ школъ.

Съ такимъ культурнымъ обликомъ русское общество выступило на выборахъ 1767 года. Посмотримъ теперь, каковы были его запросы въ области школы и просвѣщенія.

В. Бочкаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ibid., т. 32. стр. 457.

²⁾ Ibid., т. 32. стр. 457.

³⁾ Ibid., т. 123. стр. 30—32.